Зарождение правовой науки

Юридическая наука - продукт общественного развития. Одновременно она является важнейшим фактором организации общественной жизни людей в государстве, развития политической и правовой культуры. Выделение юридической науки из других форм духовного творчества, особенно из религиозно-теологического, требовало значительного научного мужества и явилось научным открытием. Первым, кто придал науке о государстве и праве первостепенное значение, был выдающийся мудрец древности Аристотель. В своем научном трактате «Политика» он писал: «Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политика. Государственным благом является справедливость, т. е. то, что служит общей пользе» (Аристотель. Соч. В 4 томах. Т. 4. - М., 1983. - С. 467). Выдвижение Аристотелем на первый план юридической науки как самой главной из всех наук, от состояния которой зависит благоустройство людей в государстве и обществе, подтверждается развитием производительных сил в истории многих государств.

Юридическая наука в своем развитии, как никакая другая отрасль научного знания, органично связана с государственной организацией общества. Потребности законотворчества, правоприменение, налаживание отвечающего требованиям времени управления, политическая борьба вокруг решения проблем общественной и государственной жизни стимулируют научную деятельность по изучению правовых отношений.

В древности правовая мысль развивалась в тесной связи с языческой религией и народным нормотворчеством. В разработке и сохранении норм обычного права участвовало большинство взрослого населения деревни, волости, города, земли-княжества.

В Беларуси обычное правотворчество и правоприменение нашло отражения в деятельности копных судов, действовавших на территории нашей страны до XVIII в. В качестве судей, в копном судопроизводстве участвовали крестьяне-домохозяева, другие оказывали содействие в расследовании дел, третьи участвовали в разбирательстве, присутствовали в качестве свидетелей или просто наблюдателей за соблюдением копного права, приобретали знания копного права.

Обычное право и копное судопроизводство - это еще не специальная область научного творчества, но это уже серьезная предпосылка такого творчества. За длительный период своего развития обычное право и копное судопроизводство сложились в определенную систему оценок, понятий, толкований и даже причинно-следственных установок (закономерностей). Хотя при этом, как и любая обычно-правовая система, они сохраняли иррациональность, ритуальность и т.п.

Многие стороны деятельности копных судов отражают особенности взаимодействия правотворчества и правосознания. Копные суды рассматривались как органы народного правосудия. Примененное в копном

суде обычное право освещалось авторитетом старины, разумом и мудростью ушедших поколений. Обычай в этом плане можно рассматривать не только как норму права, но и как итог правосознания народных масс, ибо его возникновение находится на особом порядке. Обычное право не утверждается и не принимается специальным органом, а является результатом длительной мыслителыю-практической деятельности многих поколений, фиксацией их оценок, взглядов, представлений, выражением поиска наиболее рациональной и действенной системы правового регулирования.

Следовательно, копное судопроизводство олицетворяло в сознании крестьянства единство народного правотворчества, правоприменения и правосознания. Характер связей между этими элементами не обнаруживал классового отчуждения, свойственного отношению крестьян к другим судебным учреждениям и институтам феодального государства. О высоком авторитете копы говорит и тот факт, что ее судьями по обычному праву могли быть только «зацные люди», добрые мужи», «веры годные». Сама копа именовалась святой, а ее решения «свентобливыми». Весьма почетным считалось и место отправления правосудия каповище. Примечательно, что проведение копного суда, вне обычного места (за исключением случаев, когда они собирались на месте преступления) могло поставить под сомнение законность его решений.

Характерной чертой копного правосознания был принцип коллективной ответственности. Домохозяин отвечал за своих домочадцев и находившихся у него других лиц (например, гостей), село отвечало за каждый двор, копный округ - за все свое население. Прохожий или проезжающий человек, пребывавший в селении (или месте) во время совершения преступления, вызывал подозрение в первую очередь.

Копное право еще слабо дифференцировало уголовное и гражданское судопроизводство. Ответчик выступает преимущественно не как преступник, а как «шкодник», обязанный удовлетворить требования истца. Исключительно на потерпевшем (истце) лежала инициатива судебного преследования и во многом зависел выбор меры наказания или возмещения вреда: от прощения и до требования смертной казни. Любопытно, и то, что для копы порой не столь важно было найти истинного виновника, сколько найти лицо, на которое можно было возложить обязанность возместить ущерб (материальный или моральный) потерпевшей стороне[1].

Копное судопроизводство отличалось также соединением судебных и следственных функций. Для экстренных следственных действий предусматривалось создание «горячей копы», состоящей из ближайших соседей потерпевшего, задачей которой было преследование преступника. Не была пассивной слушательницей доводов истца и ответчика и большая копа. В ходе ее заседаний стремились свести воедино все слышанное и виденное в округе по конкретному делу. Этому способствовала существовавшая

---

[1] Ефименко А. Южная Русь. – СПб, 1905. – С. 336

обязанность каждого добровольно рассказать все, что ему известно по делу. Уклонение от дачи показаний, сокрытие сведений, невыход на копу рассматривались как признак сопричастности к правонарушению и на такое лицо могла быть возложена ответственность за вред, причиненный данным правонарушением, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Изобличению и выявлению таких лиц способствовало право каждого участника судебного заседания задавать вопросы любому другому лицу, связанные с конкретными обстоятельствами дела, выяснять и уточнять факты и действия, вносить предложения о вызове на копу отсутствующих и др. Если же судебное разбирательство и следствие не приводили к выявлению «шкодника», то дело откладывалось «на переслух», т. е для выявления дополнительных данных и сведений, после чего оно повторно (и так до трех раз) могло быть рассмотрено на копе по требованию потерпевшего. Таким образом, копное судопроизводство было сильно общенародным участием и доверием. Оно располагало довольно эффективными средствами выявления и предотвращения правонарушений.

Широкое участие народа в копном судопроизводстве и развитии обычного права свидетельствует о его развитой правовой культуре, что послужило прочным основанием создания огромного количества правовых актов.

Эти правовые акты отражают переход к писаному праву. И хотя многие из писаных норм фиксируют те же нормы обычного права, тем не менее они свидетельствуют о переходе к новым принципам правового регулирования. Если прежнее регулирование можно назвать социально-правовым, то новое - государственно-правовым. В этом новом правовом регулировании всевозрастающее значение получают специальные органы государственного правотворчества (господарь, паны-рада, сойм, соймики). Возникает необходимость в появлении особого слоя людей - разработчиков правовых норм (дьяков, писарей, ученых-юристов и др.). Одновременно формируется потребность в услугах профессиональных юристов. Наиболее активно эти тенденции проявляются со второй половины XVI в. Возникает профессиональная адвокатура, отделенные от государственной администрации суды - земские, подкоморские, Главный суд.

Взаимодействие старого и нового правосознания осуществляется уже в первых известных в истории государства и права Беларуси, писаных правовых нормах. Наиболее древними следует считать договорные грамоты, которыми оформлялись соглашения между гражданами Полоцкого и Витебского княжеств с их князьями. Хотя полные тексты таких договоров до наших дней не сохранились, однако многие нормы из этих договоров стали известными благодаря тому, что они были вписаны в более поздние областные грамоты Витебску (1503, 1509), Полоцку (1511,1547). Некоторые древние правовые нормы белорусского права получили свое выражение в международных договорах 1229, 1263, 1338 гг. и других, Особенно большое количество правового материала, послужившего прочной базой систематизации и кодификации права, было издано во второй половине XIV в. и на протяжении XV и начала XVI вв. в виде общеземских, областных,

волостных, городских, дарственных и иных грамот и привилеев, сеймовых постановлений, судебных декретов и выроков.

Подлинной революцией в правотворчестве на Беларуси было издание Статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. - первых в Европе сводов законов, основанных на местном законодательстве и обычном праве, в то время, когда в большинстве европейских государств пользовались римским правом, а не своим национальным. Статуты 1566 и 1588 гг. отразили успехи борьбы «посполитого права» с каноническим. Так, ст. 31 раздела Статута 1588 г. было запрещено привлекать светских лиц к духовному суду по светским делам. Ст. 32 этого же раздела устанавливала разграничение светской и духовной подсудности. Запрещалось избирать духовных лиц в гражданские суды (разд. 4, ст. 2).

Укрепление сферы правового регулирования с помощью «писаного» права и его кодификации объективно создавало возможности обеспечения феодального правопорядка, определенного ограничения произвола судебных органов и администрации. Однако при общей слабости исполнительной власти, усиления в Речи Посполитой анархии, магнатского сепаратизма эти возможности в значительной степени не могли быть реализованы. Это был результат растущего противоречия между политической и правовой системами.

В качестве идеологического обоснования для этого широко использовался популярный в средневековье тезис о неравенстве людей, делении их на лучших, благородных, и худших, низких, подлых. В свете этого тезиса считалось вполне справедливым, что лучшие получают привилегии перед худшими. Поэтому законодатель стремился не к утверждению всеобщего равенства перед законом, а к установлению для людей каждого из сословий такого комплекса прав, который соответствовал его представлениям о социально-политической ценности того или иного сословия.

Кодификация и систематизация законодательства требовали переработки огромного количества позитивного правового материала. Это как раз и усиливало уважение и ценность национального права, расширяло сферу деятельности прикладной юриспруденции. Одновременно возникала потребность в выработке фундаментальных правовых теорий, теоретических построений, что получало воплощение с начала XVI в. в многочисленных работах белорусских мыслителей и ученых.

В связи с правотворческой деятельностью возникают вопросы о том, как осуществлялся процесс подготовки к изданию законодательных актов (особенно Статутов), кто принимал участие в нем, как обеспечивалось сочетание знаний и опыта и т. д. Ответы на эти вопросы способствовали бы освещению существенных сторон развития правовой культуры. Однако сохранившиеся источники раскрывают не все стороны процесса подготовки законов. Большая часть из них характеризует лишь заключительный этап, указывая, что нормы Статутов и других правовых актов окончательно вырабатывались, т. е. обсуждались и утверждались, депутатами поветовых сеймиков и государственных сеймов.

Несколько большее освещение в литературе и источниках получила работа специально созданных комиссий для подготовки проектов Статута. В эти комиссии включались должностные лица, представители духовенства, ученые-юристы.

Известно, что в подготовке Статута 1566 г. принимали участие «доктори обоих прав» - испанец Петр Роизий, королевский секретарь, и Августин Ротундус, виленский войт. Последний участвовал и в подготовке проекта Статута 1588 г.

В первой половине XVI в. в Вильне проживали и занимали государственные и церковные должности доктора права Станислав, «кустош» виленский, и Вацлав Чырка из Волковыска, виленский кононик, чьи познания могли быть использованы в процессе законотворчества. В литературе высказано весьма обоснованное предположение, что в подготовке проекта Статута 1529 г. принимал участие известный белорусский ученый-гуманист, первопечатник Ф. Скорина.

Расширение сферы правового регулирования, реформы судоустройства повлекли увеличение потребности в кадрах юристов. Примечательно, что даже в органы поветового управления Статут 1588 г. (разд. 4, ст. 1) требовал избирать лиц «в праве умеентных, писати умеючих». Подготовка кадров шла различными путями Часть из них обучалась в западноевропейских университетах, где уже с середины XV в. росло количество кафедр римского права. Готовили кадры и юридические факультеты учебных заведений Польши (Краковский университет, академии в Торуне, Замостье, социнианская школа в Левартове).

Первым специальным юридическим учебным заведением в Великом княжестве Литовском была Святоянская школа гражданского права, созданная в Вильне в 1566 г.

С 1645 по 1655 гг. юристов готовил юридический факультет Виленской академии, где были созданы четыре кафедры: две канонического, две гражданского права.

Дать знания в области права стремились и в кальвинистских, и в арианских школах, существовавших на территории Беларуси, в частности, его преподаватели в Слуцком кальвинистском училище, в арианских школах в Ивье, Клецке, Койданове, Любче, Лоске, Несвиже, Новогрудке и др.

Отмеченные центры подготовки юристов не могли обеспечить потребности в них. Видимо, значительная часть юристов готовилась в частных «палестрах», т. е. проходила практическую подготовку у опытных юристов, подобно ремесленникам у мастеровых.

Повышение интереса к праву сказалось и на издании специальной юридической литературы. По сведениям А. Анушкина, в XVI в. в типографиях Великого княжества Литовского было издано 16 юридических книг, а в период с 1600 г. по 1625 г. - 19. Значительная часть из них включала в себя законодательные акты. Печатным способом был издан и Статут 1588 г. Книги белорусско-литовских авторов издавались и в Польше, и за рубежом.

Значительное количество юридической литературы имелось в библиотеках

различных лиц.

В целом можно подчеркнуть, что процесс в развитии правовой культуры Беларуси XVI - XVII вв. шел по всем основным ее направлениям и был тесно связан с общеевропейским прогрессом.

Если обобщить литературу, изданную белорусскими учеными и мыслителями XVI - XVII вв., то следует заметить, что специальных юридических исследований немного (хотя само по себе важно то, что они уже имелись и получили распространение). Большинство белорусских мыслителей, политиков, ученых излагали свои взгляды, теоретическое видение проблем права в трудах, посвященных одновременно теологическим, философским, этическим, политическим проблемам.

Законодательство как источник права в странах Западной Европы имело второстепенное значение, в связи с чем и изучение, а также преподавание местного национального права началось там только в XVII в. - в Швеции с 1620 г., в Париже – с 1679 г., преподавание немецкого права в Витенберге с 1707 г., английского - в Оксфорде с 1758 г., Кембридже - с 1800 г. В Великом княжестве Литовском преподавание местного права началось в Вильне в 1562 г., а в 1644 г. был даже создан юридический факультет в Виленской академии, которая действовала на правах университета, четырьмя кафедрами - две канонического права и две гражданского права.

Основоположником белорусской науки о государстве и праве является Франциск Скорина. Его государственно-правовые идеи базировались на глубоком изучении всемирной истории и практической деятельности многих современных ему европейских государств. По его мнению, лучшей формой государственного управления является монархия при широком участии народа во всех государственных делах. Он писал, что «права земская, еже единый каждый народ с своими старейшими, ухвалили суть подле, яко же ся им налепей видело быти» (Франциск Скорина и его время. - Мн., 1990. - С.137 - 138). Высказанная Скориной мысль о главенстве народа, народном суверенитете отчетливо видна и в его словах о том, что «справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою, соединением ласки и згодою посполитое, доброе помножено бываеть» (Там же, С. 9 - 10). Тем самым только государство или город, в котором граждане живут в согласии и.заботятся об общих интересах, будут процветать.

Провозглашая новые идеи о законодательстве, он считал необходимым, чтобы закон был «почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подле прирожения, подлут обычаев земли, часу и месту пригожий, явный не имея в собе закрытости, не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написаный» (Там же. С. 138).

В этих словах содержится целый комплекс правовых принципов, основанных на теории естественного права. Само провозглашение принципа о добропорядочности и справедливости права содержало критику феодального права, которое не было ни добропорядочным, ни справедливым в отношении простых людей. Провозглашая необходимость, чтобы закон был полезным для населения и соответствовал местным обычаям, времени и

месту, Скорина отвергал притязания духовенства на распространение норм римского или византийского права либо чуждых населению норм права соседних государств. Эти идеи о приоритете местного права, а также о единстве права для всех людей в государстве получили свое отражение в Статуте 1529 г.

Значительный интерес представляют взгляды Скорины на классификацию права. Он считал, что право следует подразделять по источнику на естественное и писаное. Согласно Скорине, естественное право присуще каждому человеку в равной степени и каждый им наделен от рождения независимо от классовой и сословной принадлежности. «Закон прироженый в том наболей соблюдаем бываеть: то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хощеши от иных имети… сей закон прироженый написан ест в серци единого кажного человека... А тако прежде всех законов или нрав писаных закон прироженый всем людем от господа бога дан ест» (Там же. С. 136 - 137).

Писаное право Скорина делил на божеское, церковное и земское. Божеское и церковное право он ставил на второе место после естественного. «Закон же написанный или от бога ест данный, яко суть книги Моисеевы и светое Евангелие, или от людей установленный, яко суть правила светьгх отець, на сборех прописаные».

Земское право он подразделял в зависимости от общественных отношений на посполитое, которое включает в себя нормы гражданского и семейного права «яко мужа и жены почтивое случение, детей пильное выхавание, близко живущих схождение, речи позыченое извращение, насилию силою отпрение. ровная свобода всем, общее имение всех»; международное, которое Скорина называл «языческое, от многих убо языков ухвалено ест»; государственное и уголовное он называл «царское»; «рицерское или военное, еже на войне соблюдаемо бываеть»; городское, морское и торговое право (Там же, С 139 - 140). Такое деление права в значительной степени содействовало развитию не только правовой теории, но и кодификационной практики. Подобная классификация была применена при подготовке Статута 1529 г., в составлении которого, по-видимому, принимал участие Скорина.

Разграничение земского права с божеским и церковным имела глубокий теоретический и практический смысл, потому что не признавало притязания духовенства на руководство законотворчеством и судебной практикой.

Одной из важнейших целей уголовного наказания является, по мнению Скорины, предупреждение преступления. «И вчинены суть права, или закон для людей злых, абы боячися казни, усмирили смелость свою и моци не имели иным ушкодити, и абы добрый межи злыми в покои жити могли (Там же. С. 138).

Анализ государственно-правовых идей Скорины позволяет сделать вывод, что он положил начало развитию нашей правовой науки, и не только ее теоретических проблем, но и практики, т. к. есть довольно обоснованные предположения о его участии в составлении и редактировании Статута 1529 г.

Значительное место вопросам правового регулирования отводилась в учениях представителей реформационного движения. Наибольшим радикализмом выделялись белоруско-литовские антитринитарии. Для них было характерным стремление сформировать идеал «истинного христианина», обосновать его место и роль в общественной жизни, отношение к государственно-правовым институтам, духовной и светской власти. Идейная платформа анититринитариев была связана с так называемым «христианским гуманизмом», для которого характерно было стремление к гуманистическому истолкованию «священного писания», с превращением христианского вероучения в орудие преобразования общества на разумных началах. Они с позиции «христианского гуманизма» развили и обосновали принцип естественного права и человеческого общежития. Ф. Скорина - предтеча эпохи Реформации и Возрождения в Беларуси.

Разделение антитринитариев на два крыла: «левого» (крестьянско-плебейского) и умеренного (шляхетско-бюргерского) было связано с существенными различиями в их правопонимании. «Левые» (Петр Гезка, Г. Павел, М. Чеховиц, Якуб из Калиновки, Павел из Визны) стремились доказать, что эталоном общественного устройства является жизнь первых христиан, где не было ни государства, ни права, несправедливости и неравенства. Они призывали всех, кто считал себя «истинным христианином», отказаться от участия в государственной или судебной деятельности, «не пользоваться никакими законами» и т. п., а создать общины или «мир истинных христиан», где отсутствует какая-либо власть, нет различий между моралью и правом, моралью и политикой и все общественное регулирование осуществляется на принципах раннехристианской этики.

Иное правопонимание пропагандировало умеренное крыло антитринитариев (С. Будный, В. Тяпинский). Они не разделяли призывов «левых» к отмежеванию, отрицанию правовых институтов. Наоборот, Будный и его последователи верили в возможность реформирования, в исправление феодального общества и государственного устройства путем внедрения в гражданскую и государственную жизнь норм раннехристианской этики. Идеалом для них выступают на просто государство и право, а «христианское государство» и «христианское право», сущность которых именно связана с тем, что они являются воплощением христианской нравственности. Предлагаемый С. Будным и его сторонниками правопорядок представляет собой одну из идеальных моделей христианского правопорядка - вечного и справедливого для всех народов и эпох.

В этом же ключе Сымон Будный (1530 - 1593) пытался решить вопрос об источниках права, его происхождении. Реформационные учения принесли серьезные изменения в господствовавшие представления. Католическая и православная церкви веками «отработали» свою схему в таком виде, что источником права является бог и исходящее от него священное писание. Каноническое или церковное право объявлялось наиболее совершенным образцом его толкования и применения. Все остальные системы

национального права приводились в соответствие с ним и поддерживались авторитетом церкви и государственной власти. Реформационные течения отбросили посреднические функции церкви (между богом и людьми), поставили под сомнение ряд библейских догматов. Наиболее радикальные представители Реформации стали на путь отрицания единств св. Троицы (бога-отца, бога-сына, бога-духа) и, в частности, божественной сущности Христа.

К ним относились С. Будный и некоторые его последователи в белорусско-литовском антитринитаризме, проповедовавшие и обосновывавшие человеческую природу Христа. Это в свою очередь обусловило в их среде дискуссии о роли и значении деятельности Христа и его учения. Отрицание единства бога-отца и бога-сына породило проблему соотношения божественной воли и норм, сформулированных в учении Христа и Новом Завете. Будный выразил эту проблему вопросом: «Является ли Христос законодателем?».[2] Отвечая на этот вопрос, он пишет: «Поскольку священным писанием хорошо доказывается, что есть только один закон Божий, который сам Бог через Моисея дал,.то отмеченное само указывает, что Христос не является законодателем, а был только толкователем и защитником от всех заблуждений»[3]. Свою убежденность в этом вопросе Будный подчеркивает неоднократно, отмечая, что «особым предметом моих рассуждений было то папское заблуждение, что Христос был законодателем. Но теперь, когда я вижу, что Христос был только толкователем божественного закона, то проблема не вызывает больше у меня трудностей»[4].

Отмеченные выводы служили Будному основой для конструирования новой иерархии нормативных систем (в т. ч. правовых систем). Объявляя Христа толкователем «слова божия», он снимал необходимость в иных толкователях, включая церковь и установленные ею правила. Тем самым Будный стремился непосредственно связать существующее правовое регулирование (нормативные акты) с учением Христа и *древнехристианскими традициями*. При этом разумелось, что христианские нормы будут использоваться в той гуманистической интерпретации, в которой он сам их понимал.

Наряду с божественным, Будный видел и естественный источник права. Но его высказывания о нем слишком кратки и при этом используются характеристики, взятые из Библии. «Естественный закон учит каждого человека, - писал Будный, - чтобы то другому делал, чего сам хочет, чтобы ему делали, и это остается на совести того, кто противное делает. Драконты, Ликурги, Солоны и все другие, кто не имел закона, данного от Бога, но с естественной точки видели, что зло следует наказывать»[5]. Вместе с тем, признание существования народов, которые не зная закона, «данного от

---

[2] Budny Sz. O urzędzie miecza używającym. – Warsawa. 1932. - S. 82
[3] Ibid. S. 82
[4] Ibid. S. 21
[5] Ibid

Бога», эффективно осуществляли правовое регулирование, говорит о связи мировоззрения Будного с ренессансными традициями в политико-правовой мысли того времени. Естественная аргументация все же играла у него скорее вспомогательную роль.

В правовом регулировании в законе Будный видит троякую пользу. Во-первых, он исходит от содержащихся в законе санкций (наказаний). При этом наказание выполняет как роль возмездия, так и роль предупреждения, сдерживания людей от нарушений установленного порядка. Превентивность важна применительно и к «злым», и к «добрым» людям, особенно к «молодым людям» и «простым». Во-первых, закон есть противоположность беззаконию, следователь греху. Поэтому закон есть «обличанье грехов и престрашенье совести» и «естли бы никакова небыло, а почем знати грех». В-третьих, закон нацеливает на добродетельность, «абы ведали, которые дела чинити винни»[6].

Всякий произвол, нарушение законности встречали у Будного осуждение. И поскольку он обращался к «истинным христианам», то нарушение правопорядка, законности, справедливости расценивалось им как проступок перед богом, как грех. Соответственно, в его «Катехизисе» утверждается: «Грех ест приреченье, угоды, записы, присяги и всякие умовы ломати»[7].

Естественно-правовые аргументы, взятые из христианской этики, использует и автор вышедшего в 1581 г. в Вильне анонимного сочинения «Апологетикус», предназначенного для обоснования принципа веротерпимости, защиты соответствующего решения Варшавской конфедерации и обвинения иезуитов в разжигании религиозной войны.

Развитие в Беларуси реформационных, ренессансных и гуманистических традиций повлекло за собой усиление светской интерпретации политико-правовых институтов, в том числе и светскую трактовку естественного права, что наиболее рельефно отразилось в работах А. Волана (1530 - 1610) и А. Олизаровского.

В работах А. Волана и особенно в его трактате «О политической или гражданской свободе» ссылки на божественные предписания и право занимают второстепенное положение. Они наиболее характерны только там, где речь идет о наиболее общих предпосылках функционирования государства и права или значении норм христианской морали. Центральное место в его учении занимает анализ врожденных свойств человеческой природы. Среди этих свойств Волан выделяет и те, которые формируют естественные права человека (свобода, равенство, разум). В этой связи следует подчеркнуть, что его естественно-правовое учение формируется на базе анализа накопительного человеческого опыта (как прошлого, так и настоящего), наблюдений и знаний о живой природе, частью которой является человек, широкого использования достижений светский и политической мысли разных эпох.

---

[6] Катехизис. С. 104

[7] Катехизис. С. 77

Важнейшим природным свойством человека А. Волан объявлял стремление к свободе. Состояние свободы, по его мнению, постоянно находится под угрозой со стороны дурных человеческих страстей и наклонностей. Широкое распространение последних ведет к возникновению различных форм неволи.

Из необходимости всемерной защиты свободы человека А. Волан выводит естественную функцию права, которая заключалась в подавлении низменных инстинктов людей и «справедливом регулировании их отношений». Для того, чтобы «свободы в государстве каждому здоровой и целой досталось и чтобы алчность и страсти злых людей не были неограниченными, надо было изобрести такой способ и обычай, чтобы сдерживать любое человеческое зло и непослушание. Для этого изобретено право, которое заключает в себе науку о всяких благородных обязанностях и одновременно ... устанавливает наказания для преступников»[8]. Развивая эту мысль, Волан подчеркивает: «Государство, будучи стражем общей свободы, устанавливает не любые права для обеспечения свободы, а только такие, которые сдерживают подлости, причиняющие вред другому... граждане в каждом государстве должны жить в соответствии с правом, чтобы никому не причинять вреда»[9].

Из этих высказываний видно, что Волан поддерживал принцип, согласно которому нет свободы без права. Данный принцип выражал мнение, что в лице права найдено средство, обеспечивающее существование свободы в государстве. Примечательно, что в его понимании свобода отсутствует не только там, где не установлено никаких законов, но и там, где имеются такие законы, которые «больше умножают» произвол злых людей, чем сдерживают», т. е. законы, принятые в интересах лишь какой-либо группы людей, а не всего населения. Соответственно, такое государство не может находиться в состоянии свободы и там «определенно более слабый будет жить в неволе»[10]. Тем самым подчеркивается еще одна сторона соотношения права (в данном случае естественно-правовой теоретической конструкции) и закона, где право трактуется как определенная предпосылка свободы.

Следующим важнейшим элементом естественно-правового учения А. Волана является тесная связь права с разумом. Ссылаясь на Цицерона, Аристотеля и других древних мыслителей, он неоднократно подчеркивал, что «ничего в этом человеческом сообществе не может быть установлено и иметь силу права, если это не вытекает из правильной и здравой причины и из пристойного рассудка»[11]. Или: «Ничего нельзя абсолютно вводить в человеческое общение под именем права, как только то, чему сам разум дорогу указывает и здравый рассудок смыслу учит»[12]. Всякое же право, которое противоречит человеческому разуму, не может быть долговечным,

---

[8] Wolan A. O wolnosci Rzeczy Pospolitey albo szlacheckiey. – Biblioteka Polska. Kr., 1859. Ser na R. zeszyt 13 - S. 18.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Wolan A. O wolnosci… S. 18
[12] Там же. С. 9

так как несет вред человеку и обществу. Поэтому оно «или верховной властью отменялось, или взбунтованием простого человека»[13].

Итак, в естественно-правовой доктрине Волана вьделяются три важнейших элемента. В соответствии с ними, право, во-первых, должно быть справедливым, во-вторых, быть гарантом и защитником свободы и равенства людей, в-третьих, разумным. Сформулированные принципы естественного права Волан широко использовал как аргументы для критики многих феодальных социально-политических институтов, сословно-классовых отношений, системы законодательства и судоустройства и т. п. Одновременно он стремился сформулировать новые правовые ценности.

Широкую разработку естественно-правовые идеи получили в трудах профессора юридического факультета Виленской академии Адама (Аарона) Олизаровского (1618 - 1659).

Примечательно, что в своей классификации видов права Олизаровский не упоминал о вечном праве, которое, в соответствии с учением Ф. Аквинского, выступало как закон высшей божественной мудрости, как источник всех других прав. В его классификацию входят божественное слово, естественное право и право народов. При этом божественное и естественное право находятся не в подчинении второго первому, а выступают как самостоятельные отдельные виды, скорее дополняющие друг друга. Содержание и сущность божественного права не получили у Олизаровского широкого освещения. Ссылки на него имеют преимущественно общий характер и их можно рассматривать как дань установившимся представлениям читателей, вскормленных «религиозной пищей»[14]. Тем не менее, в тех редких случаях, где Олизаровский несколько раскрывал свое понимание божественного права, проявляется довольно нетрадиционное толкование его нормы. «Право божье, - писал он, - запрещает несправедливость, угнетение бедных и всякие обиды»[15]. Демократический и утилитарный характер подобного толкования очевиден.

Значительно больше места в работе Олизаровского занимает рассмотрение принципов естественного права, которое имеет самостоятельные функции. Оно не связывается ни с христианским учением о праве, написанном в сердцах всех людей, ни с теорией Ф. Аквинского об участии разумной души в вечном праве. По сравнению с Воланом, у Олизаровского меньше проявляется элемент морализирования и ярче выступает стремление раскрыть сущность права на основе его эмпирического и рационального познания.

Наряду с природой, в естественно-правовом учении Олизаровского важнейшее значение отводится разуму. В его понимании, «лишь тот обычай получает силу права, который находится в согласии с разумом - отцом всех

---

[13] Там же. С. 12

[14] Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. - Т. 21. - С. 314.

[15] Olizarovius A. De polityka hominyin societate. - Dantici, 1651. - p. E1-E4

прав»[16].

Таким образом, согласно концепции Олизаровского, естественное право формируется в силу двух особенностей человека: как разумного существа и как представителя животного мира и по своей природе предшествует позитивной правотворческой деятельности. Определяя практическую сторону применения естественного права, он писал: «Естественное право не разрешает, чтобы кто-либо увеличивал свои выгоды чужими убытками, чтобы собирал, где не сеял, чтобы ел, кто не трудится; и является правом, которое так далеко простирается, что даже пчелки знакомы с ним и на этом основании заботятся о своем благе, так как: «Вооруженным строем защищают доступ к гнездам дармоедам-трутням»[17]. (Приведенная Олизаровским цитата принадлежит Вергилию). Дополняя свою мысль, Олизаровскйй подчеркивал, что если позитивное право находится в противоречии с естественным, то не может быть признано за право, несмотря на то, что какая-либо норма существовала уже веками. Другими словами, никакое влияние времени не в силах сделать легальной несправедливость"[18]. С позиции требований естественного права он вел критику бесправного положения крестьян, неравенства людей перед законом, некоторых черт политического строя Речи Посполитой.

В XVI - XVII вв. в Беларуси сформировалась группа деятелей, которые стремились соединить юридическую теорию с практической подготовкой кодексов и сводов законов. Особенно крупное общеевропейское значение имела теоретическая и практическая деятельность Н. Радивила Черного и О. Воловича по составлению и редактированию Статута Великого княжества Литовского 1566 г., а также О. Воловича и Л. Сапеги по составлению, редактированию и публикации Статута 1588 г. Статуты 1529, 1566 и 1588 гг. были первыми в Европе сводами законов, созданными на основе местного права и написанными на местном (белорусском) языке, понятном подавляющему большинству народа. Статут 1588 г. был переведен на польский, русский и немецкий языки и оказал значительное влияние на развитие права соседних народов. Действовал он на территории Беларуси более 250 лет, что свидетельствует о его высокой теоретической и практической ценности.

В конце XVI и начале XVII вв. одним из самых видных правоведов Беларуси был Лев Иванович Сапега. Он родился в имении Островна (современный Бешенковичский район Витебской области) 4 апреля 1557 г. в семье богатых и влиятельных родителей, учился в Несвиже и в Лейпцигском университете. Занимал разные должности в государственном аппарате Великого княжества Литовского: с 1581 г. государственный писарь-секретарь. с 1585 - подканцлер, с 1589 г. - канцлер, с 1621 г. одновременно и Вилейский воевода, а с 1625 г. еще и гетман Великого княжества Литовского.

---

[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Там же.

Он же был одним из инициаторов создания в 1581 г. Главного суда (Главного трибунала), а затем и автором процессуального кодекса «Способ рассмотрения дел в трибунале», изданного в 1616 г. Его главные усилия были направлены на юридическое и практическое укрепление суверенных прав Великого княжества Литовского, вопреки акту Люблинской унии, и защиту прав и свобод граждан в феодальном государстве, что получило выражение в нормах Статута 1588 г. и его теоретических рассуждениях. Он является сторонником ограниченной, просвещенной монархии, основанной на господстве закона. Он писал: «И слушне за правду маем, за што пану богу дяковати, же под панованнем королей их милости и великих князей, панов наших тую владу и вольность у руках своих маем, а право сами собе творачи яко наибольшей можем водности своее во всем постерегаем, бо не только сусед а сполный наш обыватель в отчизне, аде и сам господар пан наш жадное звирхности над нами заживати не может, одно только, колько ему право допущаеть (Статут ВКЛ 1588 г. - Мн., 1989. - С. 47). Идея ограничения власти монарха в соответствии с волей народа (господствующего сословия шляхты) была для того времени шагом вперед. Государь, по мнению Л. Сапеги, обязан быть «найвышейшим сторожем всех прав и вольностей наших» (Там же. С.45)

Особенно радикальными были высказывания Л. Сапеги о сущности и происхождении права. Он не считал его вечным и неизмененным, а изобретенным, «вынайденом» людьми для их общей пользы. Творцом права являются люди, которые «владзу и вольности у руках своих» имеют и «права сами собе творачы» и вольность свою во всем оберегают. (Там же. С. 47),

Основное назначение права, по мнению Л. Сапеги, заключается в том, что оно гарантирует народу право свободы, личной безопасности и право частной собственности, это три краеугольных камня, составляющие основу всех благ народа «и то есть наша вольность», - пишет Л. Сапега.

Право, по его мнению, направлено на сдерживание потенциальных преступников и необходимо для наказания лиц, совершивших преступления. Оно рассматривается как мундштук или узда, которые сдерживают каждого наглеца и насильника. Только благодаря праву, по мнению Л. Сапеги, человек может не бояться клеветы, быть уверенным, что никто не осмелится причинить вред его здоровью или имуществу, но самое главное, что оно обеспечивает людям свободу. Он пишет, что для порядочного человека нет ничего дороже свободы, а поэтому люди должны защищать свободу, не жалея своих жизней, чтобы не попасть под жестокое господство врагов.
Л. Сапега являлся сторонником юридическою просвещения граждан, он писал, что заслуживает осуждения и презрения тот гражданин, который своей свободой похваляется, а «прав своих умети и розумети не хочеть». Особенно же стыдно не знать своих прав тем людям, которые не чужим языком, «але своим властным права списанные» имеют и «каждого часу чого нам погреба ку отпору всякое кривды ведати можем». С этой же целью он издал Статут печатным способом, а тем самым - «дорогу лацнейшую и снаднейшую каждому ку ведомости права показал», т. е. дорогу более легкую

и удобную каждому к изучению права проложил. Он же провел работу по сохранению архива документов Великого княжества Литовского, распорядившись переписать ветхие акты в новые книги.

Вся государственно-правовая деятельность Льва Ивановича Сапеги была направлена на укрепление Великого княжества Литовского, правовое просвещение народа, укрепление правовой системы государства.

Религиозное противостояние между католической, православной и протестантской церквями, усиливавшееся с конца XVI в., стимулировало использование теологической и клерикальной аргументации в обосновании конкретных проблем политико-правовых отношений в государстве и обществе. Представители каждой из конфессий искали теоретические оправдания и обоснования политического и правового статуса конкретной церковной нации, прав своих верников и сторонников.

Сторонников православия отличает позиция, которую можно назвать оборонительной. М. Смотрицкий, Х. Филалет. А. Филиппович обосновывали историческое право на существование и деятельность православной церкви в Беларуси, право православных удовлетворять свои религиозные убеждения.

Публикации этих деятелей отличаются разработкой проблем, связанных с правами народа.

Особой наступательностью отличались политико-правовые доктрины, пропагандируемые идеологами католической церкви в Беларуси П. Скаргой, С. Гродзицким, М. Видзевичем, Т. Тишкевичем-Скуминовичем и др. Они отстаивали теократические концепции государства и права, привилегированное положение католической церкви в политической системе Речи Посполитой, воздвигли в ранг идеала каноническое (церковное) право, создавали спекулятивные теоретические построения. Используя идеи естественного права, органическую теорию общества для защиты существующих отношений господства и подчинения, следуя за средневековыми европейскими теологами (Ф. Аквинским и др.), они пытались доказать, что естественное право дано людям через святое писание и святое предание (папские декреты, постановления соборов и др.).

Виднейший идеолог католицизма в Беларуси П. Скарга ставил светское «посполитое» право в конце созданной им иерархии видов прав. Это право возникло лишь на последующих этапах развития человеческого общества. «В начале мира - пока люди были острее умом и боле набожны - право было ненужным»[19]. Среди функций права особенно важное место Скаргой отводится религиозным постулатам, а именно тому, чтобы право прививало богобоязненность, несло «честь и хвалу божественную»[20]. «Где право ведет людей к богобоязненности, то государство является самым счастливым, так как строгостью человеческих прав и боязнью высшей на небе силы людей можно привести к послушанию и иным добродетелям»[21].

---

[19] P. Skarga. Pisma wszystkie. Warszawa. 1934. T. 2. S. 66

[20] Там же. S. 67.

[21] Там же.

Католическое духовенство особенно возмущало, что под влиянием Реформации церковная юрисдикция оказалась отделенной от светской и в значительной мере лишенной принудительной государственной силы. Скарга заявлял по этому вопросу: «Вредным является и ни крупицы не имеет справедливости право в таком государстве, где оно вредит церковной юрисдикции и где духовным судам не оказывается никакой поддержки в обеспечении исполнения их решений... Это неслыханно для всего христианства, безбожно, нечеловечно. Это не право, а бесправие»[22].

Много внимания идеологи католицизма уделяли защите существовавших в феодальном обществе отношений власти и подчинения. Они стремились обосновать правомерность и целесообразность их иерархической структуры, в которой каждому сословию отводилась соответствующая ступень, определявшая его социально-политический и правовой статус. Тем самым католические идеологи отвергали идеи равенства людей в какой бы то ни было форме. Скарга прямо писал: «Неравенство обязательно должно существовать среди сословий и лиц Речи Посполитой; один более благородный, чем другой, один вышепоставленный, другой нижепоставленный. У одного больше имеется богатств, у другого меньше, а выше всех стоит король, который приказывает, а другие ему подчиняются. Поэтому большая глупость и высокомерие, когда все равными себя делают»[23].

Аналогичным образом высказывался и С. Гродзицкий, который считал, что универсальным принципом отношений между людьми является не равенство, а подчинение и послушание, которое он именует «матерью всех добродетелей»[24]. И поскольку люди от природы наделены не одинаковыми способностями, то Гродзицкий сравнивает одних с пастухами, а других – с овцами и на этом основании объявляет вполне естественным порядок, согласно которому одни управляют, а другие подчиняются. Верхнюю ступеньку в иерархии он отводил самому богу[25]. Вместе с тем и П. Скарга, и С. Г'родзицкий, в отношении к господствующему классу, призывали быть справедливыми и гуманными к своим подданным.

Среди католической литературы по правовым проблемам середины XVII в. выделяется работа Теодора Тишкевича-Скуминовича «О праве личностей, или Католическое объяснение первой книги кодекса Юстиниана в теологическом, естественном и политическом смысле и в соответствии с европейским обычным правом», изданная в Брюсселе в 1663 г. Сам автор этой работы принадлежал к наиболее богатой и родовитой в Беларуси шляхетской фамилии православного происхождения. Ее представители занимали влиятельные посты в Великом княжестве Литовском, владели многими имениями не только в Беларуси, но и на Украине. После

---

[22] Там же.
[23] P. Skarga. Kazania seunove. Wroclaw. 1972. S. 288-289.
[24] S. Arodzicins. Gnadrupartitiac contiones. Ingilstadii. S. 596-599.
[25] Там же.

заключения брестской церковной унии они порвали с православием. Один из Скуминовичей, звавшийся также Теодором, стал ревностным защитником униатской церкви и ее платформы и издал в Вильне в 1643 г. работу «Причины оставления дизунии».

Сведения о биографии Т. Тишкевича-Скуминовича крайне ограничены. Образование он получил в Риме, а затем в Левенском университете (Бельгия), известном как активный идеологический центр контрреформации. Тишкевич-Скуминович гордился учебой в этом университете, подчеркивал свое идейное родство и связь с направленностью и содержанием его деятельности. По возвращении в Великое княжество Литовское он занимал ряд должностей в католической иерархии, в частности, был виленским каноником и суфраганом Белой Руси. Судя по работе, вполне реально предположить, что Тишкевич-Скуминович готовился занять кафедру римского права в Виленской академии.

Изданием своего труда он преследовал различные цели. Прежде всего, Тишксвич-Скуминович предполагал оказать помощь в правоприменении органам суда и должностным лицам, особенно в области гражданского права и процесса. В его работе много места отводится вопросам заключения брака, усыновления, опеки и попечительства, поручительства, доверенности и др.

Наряду с этим, Тишкевич-Скуминович рассмотрел ряд теоретико-мировоззренческих проблем правоотношений. Он принадлежал к числу тех деятелей, которые стремились приспособить институты и понятия римского права к правовой доктрине католической церкви, т. е. решить проблему соперничества римского и канонического права в пользу последнего. Это соперничество возникло в резупьтате возросшего авторитета и социальной ценности римского права во всех странах Европы. К. Маркс и Ф. Энгельс писали по этому поводу в «Немецкой идеологии»: «Как только промышленность и торговля - сперва в Италии, а позже в других странах - развили дальше частную собственность, тотчас же было восстановлено и вновь получило силу авторитета тщательно разработанное римское частное право. Когда впоследствии буржуазия так усилилась, что государи стали защищать ее интерес, чтобы с ее помощью сокрушить феодальную знать, тогда во всех странах – например, во Франции в XVI в. - началось настоящее развитие права, происходившее повсюду, за исключением Англии, на основе римского кодекса». Подобная тенденция все более усиливалась и в Речи Посполитой. Правда, в области правотворчества, как уже отмечалось, рецепция институтов и понятий римского права была незначительной. Но в области правоприменения, и особенно начиная с XVII в., она была очевидной. Во многих государственно-правовых актах в переписке должностных лиц термины понятия, формулы, выражения, взятые из римского права и от римских юристов, стали традиционными.

Возвышение авторитета римского права влекло за собой определенную мировоззренческую переориентацию общественною сознания. Как рационально сконструированная система довольно высокого уровня совершенства, она утверждала веру в творческие возможности человеческсо

разума, создавала почву для гносеологического оптимизма в понимании правовой действительности. Именно поэтому римское право все более выступало образцом для развивавшегося национального правотворчества и правоприменения европейских государств. Параллельно с этим шла девальвация канонического права, ценность которого значительно была подорвана Реформацией и отмеченными выше процессами.

На первом этапе католическая церковь просто изыскивала всяческие возможности для распространения римского права. Долгое время она мешала введению преподавания его в учебных заведениях Польши. Почти постоянно оставалась вакантной одна из двух кафедр римского права Виленской академии, возглавляемой иезуитами.

Одновременно идеологи католической церкви стали искать пути и средства, чтобы обосновать существующую якобы тесную связь между правом римским (хотя и правом языческим) и каноническим правом в рамках традиционного теологического мировоззрения. Одну из таких попыток олицетворяла работа Тишкевича-Скуминовича.

Книга насыщена большим материалом, взятым из римского права, знакомит читателя в определенной мере и с практикой его использования в различных странах Европы, в том числе в Речи Посполитой.

Поэтому, независимо от субъективных намерений автора, она в известном смысле имела позитивное значение, т. к. содействовала распространению знаний о праве. Особенно интересны те места, где Тишкевич-Скуминович показывает историю римского права, его институтов, стремится вывести вытекающие из него правовые дефиниции.

В то же время он последовательно реализует свою главную задачу, зафиксированную в самом названии его книги, – дать Кодексу Юстиниана (так, как и важнейшим институтам римского права) католическое объяснение. Это же им ясно выражается и во введении к работе. Выясняя соотношения римского и канонического права, Тишкевич-Скуминович пишет, что хотя уважает языческих юристов, но важнейшим считает нормы христианского канонического права, поэтому при рассмотрении ряда проблем гражданского права будет исходить «не из языческого юстиниановского, а из христианского, канонического закона»[26]. Он признает, что каноническое право для многих еретиков в высшей степени ненавистно»[27], отмечает существующее неуважение к нему в Германии и Англии и объявляет это неразумным и вредным. «Если человеческие законы должны находиться в соответствии с законами вечными, - пишет Тишкевич-Скуминович, - то почему нельзя аналогично объяснить труд Юстиниана, так как понятия являются не только продуктом знания человеческого, но и божественного»[28]. Его истинно католический подход, по собственному заверению, состоит в том, что он имеет под собой не только теологические,

---

[26] T. Skuminovii. De jure pensonarum. – Bruxelle, 1663. (Autor lectori benevolo).
[27] Там же.
[28] Там же.

но и естественные и политические основания.

Определяя сущность и происхождение права, Тишкевич-Скуминович использует объективно-идеалистические подходы, сочетающиеся с агностицизмом. «Совершенного знания о божественных делах, - утверждает он, - мы иметь не можем. И о делах человеческих наши знания неустойчивы. Они не что иное как экспериментальное и во многом ошибочное знание и поэтому может выступать лишь как представление, а не как знание»[29].

Чтобы объяснить божественную сущность цивильного права и права народов, Тишкевич-Скуминович использует понятие естественного разума, которое, «во-первых, не зависит от понимания людского»[30], а «врождено всем народам, поскольку первичные понятия запечетлены божественным образом в умах и сердцах наших»; «одно и то же право, — продолжает он, — называется разными именами: или законом совести, или законом бога. Отсюда ошибочным является мнение Аристотеля, что душа также является чистой доской, ибо бог запечатлел в ней (предварительно - С. С.) многие понятия не только для нашего восприятия, но и для действия[31].

Право народов, по утверждению Тишкевича-Скуминовича, формируется как бы из двух источников: «права разума» и «права размышления». Первому присущ культ бога (или божественный источник). Сюда относятся почитание родителей, принципы никому не вредить, каждому отдать свое, не посягать на чужое и др., которые принимаются без рассуждений. Второму «праву» присуща способность человека делать выводы из наблюдений и сравнения одного с другим, искать того, что удобно для общей жизни»[32].

Божественное начало, проявляющееся в «естественном разуме», является, согласно Тишкевичу- Скуминовичу, конституирующим признаком того, что именуется естественным правом. Естественное право, — пишет он, - относится как к человеческому роду, так и к животным и является общим для них институтом природы, посредством которого творец природы - бог управляет людьми и дикими животными... Поскольку у животных отсутствует свобода воли (выбора), они не могут знать права. Право и закон ни на кого другого, кроме как на человека, не распространяются»[33]. В результате Тишкевич-Скуминович, подобно Скарге и другим идеологам католицизма, стремился придать трактовке естественного нрава ортодоксально-теологический характер.

---

[29] Там же.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же.